

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

О ЗАПОРОЖЦАХ И ИХ СЕЧЕ.

См. Вступление в первой
части сей Истории.

Запорожцами назывались сначала все выходцы Малороссийские, обитавшие за Днепровскими порогами. Причина появления их в сих местах нам уже известна; мы видели, каким образом женатые, отделясь от холостых, распространились потом на родине своих праотцев, подняли оружие против своих утеснителей, проливали кровь за веру и отечество, свергли тяжкия оковы, наложенныя на них иноплемениками, возвратили державным обладателям России древнее их достоинство и посредством мужества и военных доблестей увенчались неуведаемыми лаврами.

Оставшиеся за Днепровскими порогами холостые поселенцы вели жизнь совсем различную от женатых. Укрепленное место, несколько раз ими перемняемое (*)

(*) Запорожцы обитали в следующих местах: 1) в Каневе; 2) в Черкасах; 3) в Переволочной; 4) на Хортицком острове, лежащем в 15 верстах ниже порогов, длиною 12 верст, шириною 2,5, с одной стороны Днепром, а с другой речкою Хортицею омываемым; 5) при реке Томаковке, находящейся между Хортиц и старой Сечи; 6) при урочище Никитине (где ныне Никополь), против каменнаго Затона; 7) в старой Сече, близь Днепра на речке Чертомлык; 8) при речке Каменке, в 30 верстах выше Кизикермена, что ныне Бериславль, на правой стороне Днепра; 9) при урочище Алешки, близь Херсона, на Крымской стороне и 10) в новой

и известное под названием Сечи (*), было их жилищем; они не заботились, подобно Малороссийским Козакам, исхитить из рук иновернаго народа землю Рускую, потому, что земля сия соделась чуждою для сердец, ожесточенных грабежами и убийствами. И могли ли пришлецы, составлявшие их братство, люди различных с ними языков и исповеданий, упоенные распутствами и безначалием и скрывавшие под притворною набожностью гнусное отвращение к православию — иметь какую любовь к стране, в которой

процветало благочестие с отдаленных времен? Холостая, праздная и безпечная жизнь, пьянство и необузданная вольность, были отличительныя черты характера сего буйнаго и грубаго народа, Ското-

Сечь, от старой, сухим путем, в семи верстах состоящей, при речке Подпольной. Из Истории о Козаках Запорожских, сочиненной Инженерною командою.

(*) Г. Успенский в своем Опыте повествования о древностях Руских, на. стр. 739 производит название Сечи от Немецкаго слова: Sitzen, сидение; Г. Марков (Михаил Егорович) от Польскаго: Siedz, одинакаго значения, ссылаясь на Руския Летописи, где во многих местах встречаются сии слова: седит Русь, седоша и проч. Всех справедливее, кажется, мнение Г. Сестренцевича Богуша, который (на 34 стр. своей Истории о Таврии) выводит Сечу от засеки тычин, коими укреплялись Запорожцы. Сего мнения держался и Миллер. Оно тем вероятнее, что в прежния времена, по словам Татищева, под названием засеки и заруба разумели деревянные укрепления, делавшияся в лесах, на проездах; на ровных же местах и полях земляныя, которыя потом валом и чертою именовались, а в новейшия времена известны под названием линии. Охранявшие сии укрепления, как говорит Татищев, назывались засечными стражами. См. Лексикон Татищева.

10

водство, звериная и рыбная ловля, воровство, разбой и измена, составляли их главныя упражнения. Но Запорожцы, со всеми пороками своими, отличались примерною храбростию; они неоднократно заставляли трепетать Турков и Татар, наводили страх на Поляков и беспокоили самих Россиян. Во время присоединения Украйны к Российскому Государству в 1654 году, на вопрос Бояр у Посланников Гетмана Хмельницкаго: почему Запорожцы не приведены еще к присяге на верность? — Козацкие Полномочные отвечали: "Они люди малые и в дело их ставить нечего." — Из сего можно видеть, что Запорожцев в те времена было не много и елиб они не принимали к себе всяких бродяг из разных народов, как то: Россиян, Поляков, Турков, Татар и даже из отдаленных краев: Французов, Немцов, Италианцов и других иноземцев, то, судя по установленному у них безженству (ибо ни одна женщина не могла жить в самой Сече), общество их долженствовало давно разрушиться. Сверх сего похищали они из Малороссии и Польши мальчиков, для образования в своем ремесле и соделания из них Козаков, а иные увозили у соседей жен и дочерей, которых держали по близости от Сечи, пока оне не рожали. В подобных случаях одни только сыновья оставались при отцах, дочери же имели одинакую участь с матерями. Таким образом Запорожец, сохраняя первобытную суровость и безчувственность своих предков, не дорожил в битвах жизнью, к которой не имел ни

Малор. дела, хр. в Моск.
Арх. Коллегии Иностран.
дел.

Феоф. Прокоп.

какой привязанности. Странно, что сей дикий и свирепый народ, в ущелинах и порогах живший, любил также невинныя увеселения. Запо-

11

рожец играл на бандуре, припевая песни, по песни сии уподоблялись жестокому его нраву. Вместо любви и семейственного счастья он воспевал знаменитыя убийства и разбои, учиненныя предками его или им самим.

Сечь или главное укрепленное место, в котором обитали Запорожские Козаки, было застроено, без всякаго порядка, деревянными избами и мазанками. Земляная насыпь, с разставленными на оной в некоторых местах пушками, окружала сие жилище их, разделенное на тридцать восемь Куреней (*).

Каждый Курень состоял из одного большого и разных малых домов и имел особое название, заимствованное или от строителя, или от отечества первых основателей сего Куреня, или от тогдашняго верховнаго главы Сечи, а именно: 1) Левушковский, 2) Пластуновский, 3) Дядьковский, 4) Брюховецкий, 5) Ведмедевский, 6) Плитнировский, 7) Пашковский, 8) Куцовский, 9) Кислюковский, 10) Ивановский, 11) Конелевский, 12) Сергиевский, 13) Донский, 14) Крыловский, 15) Каневский, 16) Батуринский, 17) Поповичевский, 18) Васюринский, 19) Незамановский, 20) Ирклевский, 21) Щербиновский, 22) Татаревский, 23) Шкуренский, 24) Куренивский, 25) Роговский, 26) Корсунский, 27) Канибалотский, 28) Уманский, 29) Деревянковский, 30) Стебливский нижний, 31) Стебливский верхний, 32) Ше-

(*) По мнению Г. Миллера, при первом построении Сечи, Козаки каждого Куреня помещались в одном только доме, и по причине густаго дыма, выходившаго из их жилищ, дали оным такое наименование, от глагола курить.

12

раловский, 33) Переяславский, 34) Полтавский, 35) Мышастовский, 36) Минский, 37) Тимошевский и 38) Величковский.

В каждом Курене был Атаман или предводитель, именовавшийся Куренным Атаманом; все

- Миллер. же они состояли, под главным начальством Кошевого Атамана, получившаго сие название от Татарскаго слова Кош, означающаго стан на языке Российском. Кошевой Атаман и Куренные вели жи знь во всем одинакую с простыми Козаками, которые в одних только походах оказывали им должное повиновение. Первый избираем был с общаго согласия, а каждый из последних от своего Куреня. Во время отсутствия сих Атаманов, Наказные, поставляемые также народом, оставались в Сече. Кроме сих предводителей Запорожцы имели подобно Малороссийским Козакам, своих Старшин, Войсковаго Судью, Войсковаго Писаря и Войсковаго Асаула, также Подписаря и Подъасаула. Над артиллериею начальником был Пушкарь, и в числе значущих лиц почитался еще у Запорожцев Доубыш или литаврщик, который во время собраний давал повестку народу. Такия сходбища, Радами иазываемыя, бывали обыкновенно после и заслуживают особеннаго описания.
- Миллер. 1-го Генваря, по древнему постановлению, происходило избрание новаго Кошеваго и Старшин, в случае, если народ был ими недоволен; также распределяли в тот день каждому Куреню: реки, речки и озера для рыбной ловли, от устья реки Самары до устья Днепра и Буга. Как скоро Доубыш, по приказанию Кошеваго и

Старшин, начинал бить в сбор, Асаул выносил из церкви походное знамя и ставил оное на площади, потом собирались Козаки из всех Куреней, и по пробитии еще двух раз в литавры, являлся наконец Кошевой с палицею, а за ним Судья с войсковою печатью и Писарь с чернильницею. Все они, вместе с Асаулом, державшим жезл, становились, без шапок, в середине круга и кланялись на четыре стороны. Доубыш снова ударял в литавры в честь прибывшим чиновникам, после чего Кошевой произносил громким голосом следующее: Ныне, добрые молодцы, настал новый год! надобно, по древнему обычаю, разделить на Курени: реки, речки и озера для рыбной ловли. Тогда метали жребий, который решал, чем каждый Курень должен был владеть целый год. Кошевой снова обращался потом к народу: что, Панове молодцы, — говорил он — не желаете ли в начале сего новаго года избрать также новых Старшин? — Когда Запорожцы были довольны своими начальниками, то восклицали: вы добрые Паны, и можете еще долее над нами пановать; после чего расходились все по домам; в противном случае недовольные заставляли Кошеваго отказаться от своего чина, и тогда клал он палицу на шапку, и поклонясь всему народу, возвращался в свой Курень. Тоже самое делали Судья, Писарь и Асаул при своем отрешении.

Избрание в Кошевые не менее любопытно. Сначала Козаки, напившись до пьяна, спорили между собою из какого Куреня взять Кандидата и кому именно быть избранным; потом, после продолжительного шума,

14

когда соглашались они между собою о Кошевом, то десять или более удалых Запорожцев отправлялись в Курень к новому своему начальнику и ему объявляли его избрание. Он обыкновенно отказывался от столь трудной должности, не соответствовавшей его малым способностям и не хотел идти с посланными; тогда двое из них брали его под руки, а двое или трое толкали сзади, понося самыми ругательными словами. В таком торжественном виде являлся будущий Предводитель Запорожцев среди ожидавшего его многочисленного собрания. Старшины вопрошали еще раз народ: быть ли этому Козаку Кошевым? и когда все ответствовали на сие громогласным подтверждением, один из них подносил новому начальнику палицу, от которой, по древнему обыкновению, также должен он был два раза отказываться. После сего несколько старых Козаков, взяв каждый по горсти земли, иногда грязной, кидали оную на голову новаго Кошеваго. Таким же образом поступали они при избрании Старшин, с тем только различием, что Судье вручали печать, Писарю чернильницу, а Асаулу жезл.

Другие положенные дни для народных собраний, в которых или сменяли начальников, или советовались о походах, набегах и тому подобном, были праздники Иоанна Предтечи и Покрова Пресвятыя Богородицы, коей посвящена церковь, находившаяся в Сече (*). Если

(*) Прежде к Запорожцам приезжали священники из Константинополя, но с того времени, как сии Козаки поддались Российскому

15

Запорожцы не имели никакой причины негодовать на своих предводителей, то в сии праздники не бывало общественного собрания; но за то малейшее неудовольствие вооружало их против начальства, даже в обыкновенные дни. Тогда недовольные Козаки условливались между собою, и ежели их было десять Куреней, они отваживались

производить в действо свой умысел. Часто за Кошеваго и других Старшин вступались приверженные им Курени, и тогда Запорожцы, собиравшиеся на Раду с большими дубинами, не только ссорились между собою, но даже доходили до драки и убийств. В сие время Старшины, ожидая окончания начатой между Козаками распри, всегда стояли подле церкви, чтобы сокрыться там в случае нужды. Наконец право сильного прекращало несогласие: отставленный Старшина немедленно возлагал почетный свой знак на свою шапку, кланялся собравшемуся народу, благодарил за оказанную ему доселе честь и тотчас отправлялся в свой Курень; ибо случалось, что желавшие оправдаться или несходившие долго с места, были убиваемы в самом собрании, а иногда и на обратном пути. Со всем тем отставные Старшины пользовались во всю свою жизнь уважением народа; им везде уступали первые места и хоронили их с большими почестями, нежели простых Козаков.

Государству, ежегодно присылаемы были к ним из Киевомежигорскаго, ныне упраздненнаго монастыря, по два Иеромонаха и по два диакона. Если голоса их нравились Запорожцам, то они возвращались потом в свою обитель с великим богатством.

16

Запорожцы не имели никаких письменных законов. Войсковою Судья решал дела, сообразуясь с здравым разсудком и древними обыкновениями, а в трудных случаях совещался с Кошевым и прочими начальниками. Воровство, неплатеж долгов, прелюбодеяние и убийство почитались у них главными преступлениями. Они могли грабить проезжающих и соседей; но ежели Запорожец изобличался в воровстве у своего товарища, скрывал или покупал украденное, тогда, хотя бы и возвращал покражу, приковывали его на площади к столбу, и он должен был сносить от всех проходящих поругание и побои. Подле прикованнаго преступника лежала обыкновенно плеть; и если он в течении трех дней не получал прощенья от своего противника, то засекали его до смерти; когда же получивший прощенье во второй раз обвинен был в воровстве, в таком случае лишался жизни на виселице. Неплативший долги бывал прикован на площади к пушке, пока заимодавцы не имели от него желаемаго удовлетворения. Прелюбодеи, совершавшие сие преступление внутри Сечи, получали одинакое наказание с ворами, умиравшими под плетью; но ничто не могло сравниться с казнию убийцы: Козак, умерщвлявший другаго, был бросаем в могилу, потом опускали на него гроб с телом убитаго им товарища и засыпали их землею (*). Одна только любовь

(*) Г. Ригельман, описывая обычаи Запорожских Козаков, упоминает, между прочим, что по Воскресным и праздничным дням бывали у них кулачные бои, доходившие до смертоубийства, и что за сие не было ни какого взыскания.

17

к нему соотчицей и храбрыя его дела могли избавить убийцу от столь жестокой смерти, но редко сии преступники получали помилование.

Таковы были Запорожцы, навлекшие потом на себя безпрестанными изменами праведный гнев Российских Самодержцев.